

РОССИЙСКИЕ ФИННЫ: МЕНЬШЕ, ЧЕМ СУБЭТНОС, И БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДИАСПОРА

Задача нашей научно-практической конференции представляется двоякой. Во-первых, мы должны обогатить и углубить своё представление об этничности российских финнов в свете современных научных знаний, результатов конкретных исследований и этнокультурной практики. Как и прежде, мы убеждаемся сегодня снова и снова в истине, которую известный лингвист и литературовед Д. Н. Овсяников-Куликовский выразил ещё до революции: «Национальность есть явление, по преимуществу интеллектуального порядка. Поэтому интеллигенция полнее других слоёв населения выражает национальную 'подоплеку' народа».

Национальной интеллигенции принадлежит ключевая роль в современном процессе осмысления, сохранения и обогащения этнокультурного опыта российских финнов.

Во-вторых, нам необходимо на основе продвинутого этнического самосознания осмыслить и оценить основные практические усилия по сохранению этнической идентичности российских финнов на современном этапе нашей истории. Эти две стороны двуединой задачи органически взаимосвязаны именно в силу деятельностной природы этничности.

Следует со всей определённостью подчеркнуть именно деятельностный характер нашего этнического бытия. Такова общая закономерность всех этнических общностей. Согласно мнению ведущего российского этнолога В. А. Тишкова, этнические общности являются социальными конструкциями, возникающими и существующими в результате целенаправленных усилий людей и создаваемых ими институтов.

Приведённый тезис можно дополнить: наша интеллигенция, как и интеллигенция любой другой этнической группы или этноса, не только *выражает* национальную «подоплёку» своей этнической группы, но и *активно формирует* этничность российских финнов

в формах современной культуры и современного знания в конкретных условиях современной России.

Действительно, природа создаёт для нас только предпосылки, только сырой материал, биологическую и психическую субстанцию для сознательного, а в чём-то и подсознательного, спонтанного формирования и раскрытия этничности под воздействием конкретных социальных, политических и культурных факторов. Практически получается так, что в современных условиях сохранение этнического своеобразия требует от российских финнов интенсификации индивидуальных и коллективных усилий в рамках тех возможностей, которые современное российское государство и общество нам предоставляют.

В настоящее время нет принципиальных объективных препятствий для эффективного функционирования основных этнозащитных механизмов российских финнов. К таким механизмам относятся:

- свободная от репрессивно-идеологического контроля финская культура;

- независимый от идеологических наслоений советского периода финский язык и его российские (ингерманландские) диалекты;

- религия и церковь (традиционно лютеранская);

- культурные традиции (как общефинские, так и региональные в России, в первую очередь ингерманландские);

- литературное и журналистское творчество на родном и русском языках, не отягощенное идеологическим заказом или культурно-политическим кураторством;

- свободное, бесцензурное конструирование этнического образа (картины) мира российских финнов в форме архивных, исторических, этнологических и культурологических исследований, на материале документальной литературы, воспоминаний, жизненных историй;

- «прозрачность» границы России с Финляндией. Граница не только разделяет, т. е. выполняет не только барьерную функцию, но и соединительную «мембранную» функцию, благодаря которой стала возможной этнокультурная, этноконфессиональная и этноязыковая «подпитка» российских финнов из страны их исторического происхождения.

В постсоветский период взгляды на природу этничности и этнополитическая практика претерпели столь существенные изменения, что российские финны вправе сегодня на уровне научно-практическом обсуждать вопрос о концептуальном статусе своей этнической группы. В массовом сознании широко распространились понятия «диаспора» и «коренной народ». Этническое самочувствие российских финнов зависело и зависит от ясного и чёткого представления об объективной, независимой от идеологии и политической конъюнктуры общества природе своей этнической общности.

Приведу, по оценке специалистов, наиболее корректное определение диаспоры, которое даёт этнолог Юрий Платонов: «Под диаспорой понимается этнос или часть этноса, проживающая вне своей исторической родины или территории обитания этнического массива и не желающая потерять этнические групповые характеристики, заметно отличающие её от остального населения страны пребывания, а также вынужденная (осознанно или неосознанно) подчиняться принятому в ней порядку».

Как же российским финнам позиционировать себя в полиэтническом пространстве современной России, в изменившейся системе этнических идентичностей?

Адекватный ответ на этот вопрос можно дать только с учётом так называемой национальной динамики, когда при изменении количественных и качественных характеристик этнической группы российских финнов сохраняется её целостность.

Межрегиональный статус конференции напоминает нам о былом, беспрецедентно диффузном насильственном расселении российских финнов в советский период. Речь идёт об ингерманландских финнах, подвергшихся депортациям, или массовому принудительному выселению в самые отдалённые районы страны. Именно они составляли тогда и составляют поныне коренную часть нашей этнической группы, её субстрат, исторические корни которого простираются до второго столетия нового времени (новое время исчисляется условно с 1500-го года).

В XVII веке, за двести лет до того, как началось становление финской нации на территории Великого Княжества Финляндского в составе Российской империи (а началось оно в середине XIX ве-

ка), финские переселенцы начали осваивать территорию современной Ленинградской области. Ингерманландских финнов можно с полным основанием относить к коренному населению Северо-Запада России. С этноисторической точки зрения они являются финским субэтносом, или частью финского этноса, сопоставимым с коренными финскими меньшинствами на сопредельных с современной Финляндией территориях Швеции и Норвегии (Tornionjoen laakson suomalaiset в Швеции, kveenit в Норвегии).

Специалисты по истории языка, народной культуры, фольклору, этнопсихологии, исторической этнологии могут привести примеры, свидетельствующие о том, как в ингерманландских диалектах, обычаях, традиционном укладе жизни, этнокультурной практике и даже в психическом складе ингерманландских финнов сохранялись архаические черты того этнического субстрата, того основного этнического материала, из которого сформировалась финская нация во второй половине XIX века. Их можно назвать и особой этнографической группой финского этноса – в этом смысле субэтнос и этнографическая группа тождественны.

Вот как характеризует ингерманландские диалекты В. М. Оллыкайнен в своём «Словаре северно-ингерманландских говоров финского языка» (2003): «Финское население Ленинградской области в силу исторических обстоятельств веками жило в изоляции от своих финских соплеменников и его речь в меньшей степени подверглась нивелирующему воздействию финского литературного языка, чем народная речь на территории Финляндии. Поэтому в ней до сих пор сохранилось немало архаичных элементов».

В отличие от финских субэтносов Швеции и Норвегии, ингерманландские финны не утрачивали связи с современным финским литературным языком и не пытались создать на основе своих диалектов региональный литературный язык.

В непосредственной близости, практически рядом с ингерманландскими финнами после присоединения Финляндии к Российской империи (1809 год) во второй половине XIX века сформировалась этническая подгруппа «петербургские финны». В ней отражалась социокультурная специфика населения тогдашней Финляндии. Фактически эта подгруппа, состоявшая из финляндских уроженцев – «трудовых мигрантов», представляла собой диаспору –

в отличие от ингерманладских финнов. Во время революции и гражданской войны в России большая часть находившихся в Петербургской губернии и самом мегаполисе финских мигрантов вернулась в Финляндию.

К диаспоре следует отнести и мурманских финнов, обосновавшихся на побережье Баренцева моря во второй половине XIX века, а также так называемых сибирских финнов, или финнов, сосланных в XIX веке в Сибирь на каторгу и поселение за тяжкие преступления и бродяжничество. В 1920–1930-е годы ряды российских финнов значительно пополнили эмигранты из Финляндии, Швеции, Соединённых Штатов Америки и Канады.

Таким образом, к середине 1930-х годов российские финны представляли собой сложносоставную этническую группу, в которой субстратные черты ингерманладского субэтнуса сочетались с чертами обновившейся диаспоры.

В 1930-е и 1940-е годы в результате целенаправленной государственной политики была разрушена территориальная идентичность ингерманладского субэтнуса. В последующий период вплоть до наших дней она сохранялась лишь в этнокультурной памяти субэтнуса. По существу, лишь в форме фантомных ощущений.

В отношении ингерманландских финнов теоретически было возможно два варианта решения вопроса: национально-культурная автономия и областная автономия. Сталин принципиально отвергал первый вариант, считая единственно правильным второй. В этом случае имели дело «не с фикцией без территории», а с «определённым населением, живущим на определённой территории».

Вопреки этому принципу финское население Ленинградской области было превращено как раз в «фикцию» без своей этнической территории, без финского языка и своей национальной культуры. Родной язык и национальная культура финнов стали доступными в Ленинградской области лишь в конце 1980-х годов прошлого века.

Как эти деструктивные изменения осмыслены на уровне общественного массового сознания сегодня? Возьмём для примера изданную в этом году «Историю России. XX век. 1939–2007» (генеральный директор проекта и ответственный редактор доктор

исторических наук, профессор МГИМО(У) Андрей Зубов, «Издательство Астрель», Москва 2009 год, 847 стр.). В период с 1920 по 1952 год было проведено 53 депортационные кампании и примерно 130 соответствующих операций. В списке этих кампаний «Категории депортируемых» финны прямо упоминаются трижды: «Финны и поляки в приграничной полосе на Западе и Северо-Западе СССР, 1929–1930 гг.»; «Немцы и финны, 1941–1942 гг.» (в тексте расшифровывается: депортированы финны и ингерманландцы, около 100 тысяч человек); «Финны-репатрианты из Ленинграда и Ленинградской области» после войны. Кроме того, финны фигурируют, правда неявно, и в других категориях депортируемых: «Кулаки» во время коллективизации 1930–1936 гг.; «Трудармейцы» 1941–1942 гг.; «Коллаборационисты» (около 5000 человек).

В результате ингерманландский субэтнос был «растворен» в диаспоре «российские финны», его территориальная идентичность и историческое прошлое игнорировались и даже «репрессировались». Новой этнотерриториальной идентичности у российских финнов на земле близкородственного карельского народа не суждено было сформироваться. Тем более, что в последние 20 лет процессы языковой дифференциации в Республике Карелия развивались интенсивно, и финский язык утрачивает свою этноконсолидирующую функцию для наших прибалтийско-финских народов. Очевидно, утрата этнической «первопочвы» не могла компенсироваться даже значительными успехами в сфере финноязычной культуры Карелии и уникальным вкладом диаспоры в её развитие.

Финноязычная «высокая культура», унаследованная от прошлого века, является общим достоянием финнов, карелов и вепсов. Она представляет значительный культурный ресурс для современных российских финнов. Его использование и развитие предполагает более высокий уровень региональной идентичности финнов Карелии, Петербурга и Ленинградской области, предполагает, по существу, укрепление и развитие их этнического самосознания на межрегиональном уровне.

Вот на это и должны быть направлены наши усилия сегодня и в ближайшем будущем.